

1634-48.
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

В О П Р О С Ы ДИАЛЕКТОЛОГИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Т Р У Д Ы

ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА им. НИЗАМИ

ТОМ XII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

Баку — 1958

В. В. РЕШЕТОВ

(Ташкент)

ОПОРНЫЙ ДИАЛЕКТ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ УЗБЕКСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Возросший интерес к изучению различных национальных языков во всех лингвистических аспектах выдвинул ряд задач первостепенной важности. Одной из этих задач, решение которой в отдельных случаях сопряжено с большими трудностями, является выявление взаимоотношений между действующим литературным языком и всей суммой говоров и диалектов, составляющих данный национальный язык как единое лингвистическое целое. Однако в таком плане изучены далеко не все тюркские языки — не только те, которые получили письменность в наше время, но и языки, имевшие богатую письменную традицию. К последним относятся узбекский и азербайджанский языки, пользовавшиеся вплоть до конца первой четверти XX в. арабским алфавитом.

При решении вопросов о взаимодействии литературных языков с наличными говорами не может быть предложен какой-то один рецепт, одинаково приемлемый для различных тюркских языков. В каждом конкретном случае должна учитываться специфика образования данного литературного языка, т. е. вся совокупность историко-лингвистических условий, в которых происходило его формирование и дальнейшее развитие. Вполне естественно, что эти особенности и условия различны у отдельных тюркских языков, а следовательно, не одинаково и решение интересующего нас вопроса. Там, где диалектная карта не дает особой пестроты и история образования национального языка вырисовывается отчетливо, решение данного вопроса не составит особого труда, если к оценке реальных языковых явлений, положенных в основу национального языка в качестве его письменной и устной литературной нормы, подходить без предвзятой точки зрения. И, наоборот, в некоторых тюркских языках, отличающихся и своеобразным этногенетическим развитием и сложностью диалектного состава, решение этого вопроса будет, естественно, иным. Так обстоит дело в узбекском языке, где в составе его тюркских компонентов выступают различные тюркские родо-племенные группы, значительная часть которых вошла существенными слагаемыми в национальные языки народов Средней Азии и Казахстана. К большим языковым изменениям привели и узбекско-таджикские этнические и языковые связи, прослеживаемые на протяжении веков. Все это вместе взятое создало сложный диалектный комплекс узбекского языка, отражающий в своем составе резко вы-

раженные элементы территориально-смежных тюркских и нетюркских языков.

Сложный диалектный комплекс узбекского языка позволяет, с одной стороны, вести широкие исследования в общетюркологическом плане, рассматривая языковые связи тюркских родо-племенных групп в сравнительно-историческом плане, а с другой — освещать вопросы общелингвистического характера, особенно проблему субстрата, действие которого выявляется без особого труда. Таким образом, перед узбекским языкознанием стоит ряд общетеоретических задач, решение которых позволит правильно осветить историческое прошлое узбекского народа и узбекского языка, определить опорные его диалекты, выступающие в данное время в качестве нормализованного средства языкового общения узбекского народа.

Детальное изучение народных говоров и диалектов во всех лингвистических аспектах продолжает быть наиболее актуальным. Это объясняется прежде всего недооценкой значения диалектологических исследований в Узбекистане, где, несмотря на наличие широкого поля деятельности для диалектолога, подготовка национальных кадров по этой отрасли лингвистической науки оставляет желать много лучшего. Нельзя не указать в этой связи и на поверхностное отношение историков и этнографов к данным диалектологии при рассмотрении ими вопросов этногенеза узбекского народа.

Изучая сложный этногенетический процесс узбекского народа, историки и этнографы не учитывают показаний языка, языковых фактов живых народных говоров и диалектов, которые, как известно, таят в себе много интересного и нередко доносят сведения, незарегистрированные памятниками материальной и духовной культуры узбекского народа, проливая, таким образом, яркий свет на его прошлое. Здесь интересы историков и лингвистов должны переплетаться, поскольку данные диалектологии оказываются крайне необходимы не только при решении лингвистических вопросов, связанных с изучением сложного комплекса узбекского языка, но и при историко-этнографических изысканиях в области этногенетического процесса. Наконец, они нужны и при решении проблем прикладного узбекского языкознания, особенно вопросов орфографии и терминологии. А это сейчас главное, поскольку орфография литературного языка не может быть сколько-нибудь удовлетворительно решена без четкого определения диалектной базы, легшей в основу данного литературного языка в качестве устного и письменного стандарта. В этом убеждает нас орфографическая практика в Узбекистане, где продолжают иметь место явные тенденции к местничеству, что не позволяет совершенно объективно подойти к оценке реально существующего факта в виде городской диалектной базы.

Вопрос о диалектной основе узбекского языка ставится не впервые. Особенно жизненным оказался он после победы Октября, когда узбеки, как и многие другие тюркоязычные народы Советского Союза, ранее пользовавшиеся арабской письменностью, перешли на латинский алфавит, а позднее — на алфавиты, построенные на основе русской графики. В Узбекистане в качестве диалектной основы предлагались различные узбекские говоры. При этом сторонники той или иной группы говоров, которые могли бы лечь по их мнению в основу формирующегося литературного узбекского языка, не учитывали ни исторической перспективы, ни общей тенденции развития последнего.

Консервативно настроенная часть узбекской интеллигенции предлагала принять в качестве литературного узбекского языка язык письменных памятников XIV — XV вв., сохранив его основные лек-

сико-грамматические особенности. Речь шла не о выявлении исторически сложившейся диалектной основы и об определении путей ее дальнейшего развития, а о механическом перенесении языковых фактов памятников староузбекской литературы на современную нам почву. Это было вызвано стремлением доказать, что язык письменных памятников является якобы общим литературным языком всех тюркоязычных народов Туркестанского края. Тем самым не только исключалась перспектива развития самого узбекского языка, но и возможность существования отдельных национальных литературных языков — казахского, киргизского, туркменского, каракалпакского.

Отдельные „реформаторы“ предлагали в качестве основы литературного узбекского языка кыпчакские говоры, генетически родственные казахскому, каракалпакскому и другим языкам этой группы, на том основании, что эти говоры наиболее многочисленны. Впоследствии, требуя языковой автономии для представителей кыпчакского наречия узбекского языка, представители „джекающей теории“ („джокчилар“, как их называли в то время) ссылались на те языковые факты, которые характеризуют это наречие и выделяют в качестве особой диалектной единицы в составе узбекского языкового коллектива, а именно:

I. Фонетические признаки:

1) наличие контрастирующих пар гласных ($y \sim \gamma$, $o \sim \theta$, $u \sim u$, $a \sim \theta$), а в связи с этим и сохранение сингармонизма, т. е. чередований звуков в основах и аффиксах, что свойственно современным казахскому, каракалпакскому, киргизскому и другим тюркским языкам кыпчакской группы;

2) дифтонгизация начальных гласных верхне-среднего подъема u_0 , γ_0 , u_0 ;

3) дифтонгическое сочетание $ий$ ($ийт$ „собака“, $бийт$ „вошь“);

4) отсутствие различия кратких ~ долгих гласных; в этих говорах имеются долготы вторичной формации, возникающие, как правило, в результате выпадения смежных согласных звуков;

5) переход начального $й > \widehat{дж}$, т. е. „джеканье“, а не „йеканье“ $\widehat{джол} < йол$ „дорога“, $\widehat{джаман} < йаман$ „плохой“ (лит.-орф. $\widehat{ёмон}$);

6) переход $г > \theta$ ($таг > тав$ „гора“, $ағыз > авуз$ „рот“);

7) переход $з > й$, $г > й$ ($тегди > тийди$ „он тронул“, $йифин > \widehat{джийин}$ „сбор“, $сигир > сийир$ „корова“);

8) озвончение p , k , k_1 в интервокальной позиции ($к, ап \sim к, аби$ „мешок“ ~ „его мешок“, $эк \sim эгип$ „сей“ ~ „посеяв“, $чык_1 \sim чыгыт$ „выйди“ ~ „выйдя“);

9) падение конечных k , k_1 ($сарык_1 > сары$ „желтый“, $кичик > ки-чи$ „маленький“);

10) спонтанное появление x , в начале слова ($айван > x, айван$ „терраса“, $арра > x, арра$ „пила“ и т. п.).

II. Морфологические признаки:

1) чередование $-н/-\theta/-т$ в аффиксах притяжательного ($-нын/-нинг$, $-дын/-динг$, $-тын/-тинг$) и винительного ($-ны/-ни$, $-ды/-ди$, $-ты/-ти$) падежей;

2) конструкция дательного падежа от личных местоимений типа: $маған$, $саған$, $уған$;

3) настоящее время данного момента на *-джатыр* (*бараджатыр*, „он в данный момент идет“);

4) причастие настоящего-будущего времени на *-тыган* (*кэлэтыган*, „приходящий“, (казахск. *келетин*)).

Кыпчакское наречие узбекского языка охватывает представителей различных тюркских родо-племенных групп. Среди них мы находим роды: кыпчак, найман, минг, джуз (юз), кырк, джалаир, кенегес, конграт, катаган, қанли, митан, лақай, уйшун, қарақалпоқ, тама, қышлық, онгут, қыят, дорман, аргын, уйгур, монгул и многие другие.

Значительна и территория, занимаемая в Узбекистане говорами кыпчакского наречия. Достаточно сказать, что нет ни одной области в республике, где не было бы представителей этого наречия. В Ташкентской области они представлены большим массивом в долине р. Ангрен и в Мирзачуле; в Самаркандской, Бухарской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской и Хорезмской областях представители этого наречия составляют большой процент; имеются они также в Ферганской и Наманганской областях.

Говоры кыпчакского наречия есть на территории Казахстана, Киргизии, Таджикистана. За пределами Советского Союза мы находим их в северной части Афганистана, куда переселился в свое время род катаган из-под Ташкента.

Кыпчакские говоры узбекского языка представляют значительный интерес для узбекской диалектологии, однако они, как и другие сингармонистические говоры узбекского языка, не могли и не могут лечь в основу литературного языка, в чем убедила сама жизнь, а не лингвистические доводы.

С другой стороны, считали возможным допустить параллельное существование письменных языков на основе всех узбекских диалектов с тем, чтобы один из них в дальнейшем, при наличии успешного развития, мог превратиться в конце концов в общенациональный узбекский язык. Нужно сказать, что отголоски этой тенденции нашли отражение в действующем литературном узбекском языке, имеющем в своем морфологическом составе ряд узкодialeктных форм.

Решение вопроса о диалектной основе узбекского литературного языка оказалось сложным и затяжным не только потому, что действительно сложна и пестра карта узбекского языка, а в значительной степени и потому, что к решению его подходили без достаточных лингвистических обоснований, руководствуясь нередко лишь субъективной и предвзятой точкой зрения. Поэтому не случайно, что одно время сингармонистические говоры отдельных кышлачных поселений нормировали литературное произношение на всей территории Узбекистана, что фактически приводило к оттеснению от вхождения в литературный язык говоров крупнейших культурно-экономических центров республики. Представителям этих говоров предлагались сингармонистические произносительные нормы, давно утраченные говорами, или вообще не существовавшие в них в силу самой специфики образования городских говоров.

История становления и развития различных литературных национальных языков не богата примерами, которые бы свидетельствовали о том, что в борьбе за литературный диалект язык сельской местности побеждает язык города. Наоборот, нам известно, что в этой борьбе всегда победителем выходит диалект более высоко стоящего в культурно-экономическом отношении района. В этом убеждает нас и конкретная история формирования узбекского литературного языка. Как бы ни была велика территория, занимаемая кыпчакскими или сингар-

монистическими кышлачными говорами, насколько бы они ни превосходили в процентном отношении население городов, они никогда не выделяют из себя литературный диалект — *koine dialektos*.

Именно этого при решении некоторых вопросов фонетики не хотят понять отдельные узбекские орфографисты, главным образом те из них, которые являются представителями сингармонистических говоров. С этим не хотела считаться орфографическая конференция 1926 г., проголосовавшая большинством голосов за наличие сингармонизма в узбекском литературном языке. Между тем, самый факт голосования по такому вопросу свидетельствует лишь о том, что голосовавшие были явно недовольны реально-существующей и исторически вполне объяснимой несингармонистической диалектной базой. Несведущая в лингвистике конференция проголосовала по вопросу, который невозможно даже ставить по вполне определенной причине: в определенной части узбекских говоров сингармонизм действительно существует, а в другой части говоров он безусловно отсутствует. Отсутствует он в городских говорах, которые, несмотря на открытое и активное сопротивление сторонников сингармонизма, оказались определяющими в наши дни.

Научное значение диалектных данных состоит в том, что они позволяют на живом и конкретном материале проследить процесс возникновения и развития говоров, установить языковые связи и языковое взаимодействие между говорами и территориально-смежными тюркскими и нетюркскими языками, которые происходили в истории становления говоров и диалектов, а следовательно и в истории формирования узбекского национального языка.

Языковые и этнические связи между узбекскими говорами и территориально-смежными тюркскими языками не подлежат сомнению. Наличие их объясняется той сложной исторической ситуацией, теми языковыми и этническими взаимоотношениями, которые происходили между различными тюркскими родо-племенными группами еще задолго до закрепления их на той или иной территории. Перекрещивающийся языковый процесс значительно усилился при оседании тюркских племен. Особенно разносторонним оказался он на территории современного нам Узбекистана, где в разное время различные тюркские родо-племенные группы оседали не сплошной массой, а разрозненными группами. Поэтому совершенно естественным является наличие в составе узбеков и казахов, узбеков и каракалпаков и т. д. представителей одинаковых родо-племенных групп. Так, например, среди узбеков и казахов мы находим кыпчаков и конратов, джалаириров и найманов и т. д. и т. п., что не может считаться случайным, как и не может быть случайным наличие указанных родов среди каракалпаков или существование явно узбекского рода катаган в составе киргизского народа. Это один из основных факторов, приведший в результате метизации к формированию своеобразного тюркского компонента в диалектном составе узбекского языка.

Изучая этот компонент в сравнительно-историческом плане, нетрудно убедиться в наличии языковых показателей; сближающих отдельные говоры узбекского языка с современными тюркскими языками Средней Азии и Казахстана. Именно это обстоятельство дало в свое время повод устанавливать говоры „казахизованные“, „уйгуризованные“, „туркменизованные“ и т. п. по зарегистрированным в говорах языковым признакам, характерным для казахского, уйгурского, туркменского языков. Однако общие языковые факты не должны рассматриваться как результат позднейшего порядка, т. е. как

результат сравнительно позднего влияния указанных языков на формирование отдельных узбекских говоров и диалектов. Такое понимание и решение данного вопроса было бы совершенно неверным. В этом убеждает нас историческая действительность, в условиях которой происходило постепенное формирование конкретных говоров и диалектов узбекского языка.

Историко-лингвистические данные о взаимодействии тюркских родо-племенных групп, впоследствии вошедших в состав и узбеков, и казахов, и уйгуров, и туркмен, и каракалпаков, свидетельствуют о существовании ряда диалектных языковых общностей. Исторически в составе узбекского народа таких диалектных общностей оказалось три, отличающихся вполне определенными лингвистическими показателями: 1) кыпчакская, 2) огузская и 3) карлук-чигиле-уйгурская. Они и дали соответственно три наречия в составе узбекского языкового коллектива, продолжающих существовать и сейчас в качестве особых диалектных единиц.

Лингвистические признаки кыпчакского и огузского диалектов узбекского языка определены достаточно четко на основании изучения живых говоров, входящих в состав этих диалектов, а частично и на основании изучения дошедших до нас письменных памятников. В историческом аспекте и в плане выявления конкретных языковых взаимосвязей между отдельными говорами недостаточно изученной оказалась карлукчигиле-уйгурская языковая общность, несмотря на то, что говоры данной языковой общности по своей значимости в диалектном составе узбекского языка и по их роли в истории развития староузбекского письменного языка занимают особое место. Формирование указанной языковой общности связано с караханидским движением XI в.

Караханидский союз племен не был монолитен ни в языковом, ни в этническом отношении. Он представлял собою конгломерат тюркских племен, временно объединенных в сравнительно непрочный военный союз.

Караханидское движение привело в Мавераннахр „большие массы тюрков: карлуков, ягма, чигилей и других“. Главная роль среди них принадлежала карлукам, чигилям и уйгурам. Население Ферганы домонгольского периода находилось в тесном языковом контакте с этими племенами.

Роль карлукских и уйгурских элементов в истории образования отдельных узбекских говоров уже отмечалось в печати. Свою точку зрения по этому вопросу вполне определенно высказал проф. Н. А. Баскаков в работе „Классификация тюркских языков“, где он говорит не о влиянии или взаимовлиянии, а усматривает языковую подпочву, что совершенно правильно.

Оседание различных тюркских племен на территории Мавераннахра, рост городов и расширение в связи с этим рынков, контакт тюркских племен с нетюркскими языковыми элементами создали необходимые предпосылки для формирования городской речи. В городах, как в особой лингвистической лаборатории, возникла живая речь, в значительной степени отражавшая в себе языковые особенности тюркских родоплеменных групп (карлукских, уйгурских, кыпчакских, огузских и др.), которые оседали в городах на инотюркском этническом субстрате.

Языковые и этнические связи тюркских родо-племенных групп с аборигенами страны, возникавшие главным образом на городской почве, привели к значительным историко-лингвистическим и антропологическим изменениям. Утрата сингармонизма в фонетике, изменения

в лексике, забвение родо-племенных наименований, продолжавших существовать у кочевых и полукочевых тюркских племен, произошло не без участия привходящих факторов. Сложный процесс языкового взаимодействия представителей тюркских племен с горожанами был отмечен еще Махмудом Кашгарским. При этом он подчеркивает наличие уже в то время двуязычия, что особенно важно для историко-фонетических исследований.

Наличие инотюркской языковой подпочвы в истории образования городских говоров узбекского языка позволило некоторым исследователям выделить говоры иранизованные и неиранизованные с рядом подтипов по степени усиления тюркских элементов гибридизации. Свое наиболее яркое выражение метизация и гибридизация нашли в той языковой общности, основа которой формировалась в карахандидский период и которая в модифицированном виде дошла до нас. Несомненно, данная диалектная основа была средством языкового общения в широких масштабах. Да и не только средством устного, но и письменного общения, поскольку основа этой языковой общности нашла отражение в языке богатой староузбекской письменности. Последняя ждет своего исследователя. Советскими тюркологами и узбековедами (проф. А. К. Боровковым, Г. Ф. Благовой, А. У. Усмановым) в лексико-грамматическом отношении изучены только отдельные произведения некоторых поэтов и писателей прошлого. Этого, конечно, недостаточно для уточнения всесторонних реальных лексико-грамматических связей староузбекского письменного языка IX — XIX вв. с различными народными говорами того времени. Но и наличные данные добытые путем лингвистического анализа, позволяют без особых оговорок утверждать несомненную связь городских говоров с письменным языком того времени.

О звуковом составе староузбекского языка вполне определенно высказался академик К. К. Юдахин, который не только подчеркнул, что важнейшие поэты XIX в. были представителями говоров несингармонистических, решив, таким образом, одну часть вопроса, но и определил территориальную принадлежность этой диалектной основы, совершенно правильно указав на Фергану.

Значительно позднее, примерно к такому же выводу пришел и проф. А. К. Боровков, изучавший произведения Алишера Навои.

Уместно сказать, что в староузбекской литературе упоминание о диалектной основе письменного языка мы находим у Бабура в его „Бобир-намэ“. Он говорит, что язык Навои в основе своей отражал андижанский говор, определяя это выражением „қалам билэ рост“. Кстати, акад. В. В. Бартольд, комментируя это выражение, пишет: „...эти слова должны быть поняты в том смысле, что в Андижане, как в культурном городе, говорили правильно“, т. е. близко к литературному языку.

Наконец, известно и замечание Абул Гази о трудности понимания староузбекского „чагатайско-тюркского“ языка.

Указанная диалектная база находилась и в основе языка поэтов конца XIX и начала XX вв.

Этот период характеризуется в истории узбекской литературы деятельностью замечательной плеяды поэтов-демократов — Фурката, Мукими, Завки, Хамза Хаким-заде Ниязи. Отобразив реальную действительность, чаяния узбекского народа, поэты-демократы порывают с ограничениями литературной традиции, приближая язык письменный к языку народному, что достигается творческим отбором из народного языка необходимых средств языкового выражения. Однако литератур-

ный язык на ферганской диалектной основе, закрепленный в произведениях Фурката, Мукими, Завки, Хамза Хаким-заде Ниязи, до Октябрьской революции не мог превратиться в стандарт общеузбекского значения, поскольку в тот период в Туркестане не было для этого надлежащих предпосылок. Культурно-экономическая изолированность отдельных районов, общий низкий экономический уровень и локальный характер производства в ханствах и эмирате не способствовали расширению языковых связей, а также объединению данной территории в отношении устного общения, а приводили к еще большей консервации диалектных черт.

Язык газет, издававшихся в различных городах (Ташкенте, Самарканде, Фергане и др.), был насыщен диалектизмами, турецкими языковыми элементами, а также татаризмами. Борьба за „общетюркский язык“ (лисонни умуми) исключала правильное решение проблемы письменного типа языка общеузбекского значения.

Начиная с 1925 г. отмеченные нами возможные варианты диалектной основы узбекского языка обсуждались особенно бурно. По этим вопросам высказывались различные, нередко противоречивые точки зрения. Жизнь уже дважды заставила пересмотреть вопрос о диалектной основе языка общеузбекского значения, определить его источники и пути обогащения. В результате победила исторически сложившаяся городская диалектная основа, которая по линии языкового преемства находится в генетическом родстве с уйгурским языком, составляя вместе с ним одну линию развития. В историческом плане эта основа представляет собой карлуко-чигиле-уйгурскую языковую общность, впитавшую в себя часть огузских и кыпчакских элементов.

К говорам, исторически восходящим к карлуко-чигиле-уйгурской языковой общности, относятся: наманганский, ташкентский, андижанский и другие говоры крупных населенных пунктов в различных районах Узбекистана. Генетическое языковое родство между говорами прослеживается и в фонетике, и в отдельных грамматических формах, и в лексике. По наличию ряда типично уйгурских языковых черт, в частности, по наличию „умлаута“, выделяется наманганский говор, особенно некоторые кишлачные говоры Наманганской области. Несомненно, что территория говоров, характеризующихся сейчас наличием „умлаута“, в прошлом была гораздо шире.

Необъясним генезис андижанского говора, если не признать в качестве языковой подпочвы ту же узбекскую речь, которая лежит в основе говоров Наманганской области. Происхождение отдельных фонетических явлений и морфологических форм ташкентского говора объяснить нельзя, если не признать его генетически примыкающим к указанным говорам, поскольку независимо возникших общих языковых явлений на одной территории и в составе одного языкового коллектива быть не могло и не может.

Анализ фактического материала убеждает нас в том, что узбекским диалектом, легшим в основу ташкентского говора, был северо-узбекский диалект туркестано-чимкентского типа. Не случайно, что наличие общих языковых показателей как в фонетике, так и в морфологии, мы обнаруживаем в ташкентском и, например, в карабулакском говоре, подвергшимся в силу особой историко-лингвистической ситуации, смешению с огузскими элементами. Начало этого процесса находится на грани IX и X вв., когда со стороны Нижней Сыр-Дарьи *вливается значительная волна кыпчаков и огузов, осевших в Мавераннахре, где их элементы сейчас встречаются в различных комбинациях. Так, осевшие к западу и юго-западу от Чимкента огузские племена,

несмотря на значительную ассимиляцию, продолжают еще сохранять некоторые типично огузские языковые черты, что и привело к формированию особой, но не изолированной подгруппы говоров карабулако-манкенто-иканского типа в составе узбекского диалектного комплекса. К характерным огузским языковым признакам, продолжающим сохраняться в этой подгруппе говоров рассматриваемого нами наречия, относятся:

1) наличие контрастирующих пар гласных, как и в кыпчакских говорах узбекского языка;

2) различение кратких ~ долгих гласных, т. е. сохранение древнетюркской формации долгот, наличной, например, в туркменском языке, ср.: *ат* „лошадь“ ~ *а:т* „имя“; *от* „травя“ ~ *о:т* „огонь“;

3) озвончение начальных *т* и *к*: *дил* „язык“, *гел* „приходи“;

4) максимально смягченные *к-к'*, *г-г'*;

5) падение начального *б* в глаголе: *бол* > *ол*;

6) аффикс притяжательного падежа *-ынг/-инг* наряду с *-нынг/-ниг* (карабулак. *атынг* „лошади“, *итинг* „собаки“, но *тепэнинг* „холма“, *атанынг* „отца“);

7) аффикс дательно-направительного падежа на *-а/-э* (*атыма* „моей лошади“, *итимэ* „моей собаке“) и ряд других фонетических и лексико-грамматических признаков.

Говоры ташкентский, наманганский, андижанский, ферганский, а также карабулакский и ряда других населенных пунктов, составляют единый диалектный комплекс. На это обращал внимание и акад. К. К. Юдахин, специально изучавший говоры Карабулака и Манкента. О генетической языковой связи этих говоров между собой свидетельствует ряд признаков специфического значения. Мы укажем только на некоторые из них.

1) Чередование *ч* // *ш* (ташк., марг., анд., наманг. *т(э)ш* // *ч(э)ш*; ташк. *ч(э)шлэ* // уйг. (кашг.) *ч(э)шлэ* „зубы“; ташк. *т(у)штэ* > *ч(у)штэ* // уйг. *ч(у)штэ* // карабулак. *т(у)штэ* / *ч(у)тшэ* „он сошел“).

2) Сохранение в основах и аффиксах конечных *к* ~ *к/г* ~ *г* ср.: уйг. *тэрэг/тэрэк*, „просо“, *сарчг* „желтый“, *уруг* „род“, „семена“, *энэк*, „открытый“; ташк. *каттэг* „твердый“, *тараг* „гребенка“, *ортэг* „товарищ“, *кэшла:лэг* „сельский“; наманг. *йок/йог* „нет“, *терэг* „живой“, *белэг* „другой“, „иной“; *бэр куллэг* „однодневный“, *белэг* „рыба“. В местоимениях уйг., ташк., карабулак. *кандаг/кандак*, „как“, „такой“, *андаг/андак*, *шундаг/шундак*, *бундак/бундаг* „так“, „такой“. Нередок и переход *-аг* > *-ай* в этих говорах: *шундаг* > *шундай*.

Сохранение исходного *г* находим в памятниках древнетюркской письменности — в орхонских надписях, в „Кутадгу билик“, в „Диване Махмуда Кашгарского. По поводу оглушения *г* в данной позиции и перехода его в *к* высказывалось предположение, что эта фонетическая черта, т. е. *г* > *к*, могла принадлежать одному из старых диалектов; возможно, что она являлась характерным фонетическим признаком карлукского диалекта.

3) Чередование *к* // *х* в различных позициях уйгур., ташк., наманг. (*ток,та/тохта* „стой“, *ток,сан/тохсан* „девятисто“, *бак,тук/бах-тук*, „мы смотрели“).

4) Чередование *л* // *н* (уйг. *койнак/көннэк/көллэк/көнглэк* // ташк. *койнак/койлак* „рубаха“).

5) Полная прогрессивная ассимиляция (ташк. *туззэ* < *тузнэ* „соль“, *эшш* > *эшнэ* „плов“, *темэррэ* < *темэрнэ* „железо“, наманг.

кушиш > *кушнъ* „птицу“, *гәппъ* < *гәпнъ* „разговор“, *тәшишъ* < *тәшнъ* „камень“).

6) Существенной отличительной фонетической чертой уйгурского языка является так называемый „умлаут“, состоящий в том, что гласные нижнего подъема *а/ә* первых слогов под влиянием гласного верхнего подъема *э* второго слога переходят в звук *е* (*ат* „лошадь“ > *етъ* „его лошадь“). Эта специфическая особенность уйгурского языка отсутствует в ташкентских, маргинских говорах, но прослеживается в говорах Наманганской области. Возможно, что переход *а* > *ә* в ташкентском говоре в основах типа *сэн* „число“ ~ *сэнә* „считай“ и т. п. следует рассматривать как рудимент именно этого фонетического явления.

7) Наманганский говор и уйгурский язык характеризуются падением звуков и наличием стяженных форм, что наблюдается в ташкентском и других говорах, но выражено в некоторых из них менее резко. Ср., например, ташк., наманг. *эдәмлә* „люди“, *келъдәлә* „они пришли“, *сәле* > *слә* „вы“, *бъзә* > *бзә* „мы“//карабулак. *б'зәрингки* „наш“; ташк. *келүәдәм* > *келү:дәм* < *келъп* *едәм*//наманг. *келү:дәм* „я приходил“ и т. п.

8) Все эти говоры — ташкентский, наманганский, андижанский, маргеланский, кокандский и др. (кроме карабулакского) — в системе именного словоизменения имеют один притяжательно-винительный падеж с аффиксом *-нъ* (и фонетическими его вариантами), совмещающий в себе функции и притяжательного и винительного падежей. По наличию фонетических вариантов аффикса указанного падежа говоры могут быть разделены на две подгруппы:

а) говоры, допускающие полную прогрессивную ассимиляцию начального согласного аффикса *-нъ* исходному согласному основы (кроме основ, оканчивающихся на гласный, при которых сохраняется аффикс *-нъ*); сюда относятся ташкентский и наманганский говоры с тяготеющими к ним сельскими говорами; например: ташк. *туззъ* < *тузнъ* „соль“, *тэммъ* > *тэмнъ* „крышу“, *гәппъ* < *гәпнъ* „разговор“; наманг. *эттъ* < *этнъ* „лошадь“, *тэллъ* < *тэлнъ* „табачник“; ср. винит. пад.: ташк., наманг., *эттъ сэттъ* „продал лошадь“; притяжат. пад.: *эттъ бәшъ* „голова лошади“;

б) говоры, характеризующиеся наличием чередования *-н/-д/-т* в аффиксе притяжательно-винительного падежа, которое зависит от исходного согласного основы. К ним относится андижано-маргелано-кокандская подгруппа, примыкающая по данному признаку (чередованию аффиксальных *-н/-д/-т*) к кыпчакским говорам узбекского языка. Ср., напр., анд., марг., кок. *этәснъ көрдъ* „видел его отца“, *эштъ мәзәсъ* „вкус плова“, *тәлдъ кестъ* „срезал табачник“.

Что же касается карабулакского говора, то в нем в качестве притяжательно-винительного падежа выступает формант *-ынг/-инг*, а после основ на гласный *-нынг/-нинг*, на что было указано выше. Совпадение этих падежей sporadически прослеживается, видимо, и в карабулакском говоре, хотя акад. К. К. Юдахин случай такого совпадения в записанных им текстах считает необычным для говора и относит за счет своей описки.

9) В качестве форманта исходного падежа в карабулакском говоре выступает аффикс *-дын/-тын*, *-дин/-тин*, сохранившийся в старом узбекском письменном языке. Однако некоторые исторические факты убеждают нас в том, что эта форма исходного падежа в сравнительно недалеком прошлом была, видимо, живой разговорной формой и в

ташкентском говоре. Один из самоучителей „сартовского“ языка (по старой терминологии), изданный с транскрипцией в 1884 г. и отражавший ташкентские произносительные нормы того времени, наряду с *-дан/-тан* приводит иногда примеры и с аффиксом *-дин/-тин*, например: (сохраняю транскрипцию самоучителя) *кумъ итармукин устодин суранкъ* („спроси мастера, довольно ли песку“), *кайдин* („где, откуда“), *юлбарсдин* („от тигра, тигра“), *ики соатдин кубъ* („более двух часов“); не исключено, что здесь сказалось влияние письменного языка, но этот факт нуждается в дополнительном изучении.

10) Рассматриваемая нами группа говоров имеет два морфологических показателя в форме настоящего времени данного момента (*progressivi*).

а) Формант *-ват* и фонетические его варианты *-ват*, *-ут*; из них аффикс *-ват* принадлежит ташкентскому говору и говорам прилегающих селений, уйчинскому *-ват*, наманганскому *-ут*; например: тащк. *келвэтмэн* > *кевэмэн*//уйчинск. *келвэтмэн*//наманган. *келутмэн*//уйгурск. *келъватмэн* „я в данный момент иду“.

Генетическая общность этих форм совершенно очевидна. Ташкентская и наманганская формы представляют собою дальнейшее фонетическое развитие формы *келъватмэн*. Убеждают нас в этом промежуточные варианты, существующие в различных говорах Ташкентской и Наманганской областей. Например, в паркентском говоре Ташкентской области находим *келвэттэм* и *келвэтмэн*, выступающие на равных правах и с единой семантикой.

Наманганский формант *-ут*, восходит к аффиксу *-ват*, видоизменившемуся в силу действующих в данном говоре фонетических законов. Процесс эволюции шел в направлении: *-ват* > *-вом* > *-от* > *-ут*, подтверждением чему служит наманганский промежуточный фонетический вариант *келоттэ*, сосуществующий с *келуттэ*, как его фонетическая разновидность.

Развитие аффикса *-ват* проходило не только по формуле *-ват* > *-вом* > *-от* > *-ут*, как в наманганском говоре, или по линии *-ват* > *-вом* > *-ват*, — как в Ташкенте и в территориально-смежных с ним кышлаках, но и в виде *-ват* > *-ват*, что отмечено в уйчинском говоре Наманганской области и объяснимо действием „умлаута“, прослеживаемого, как было сказано, в наманганских, а частично и в прочих говорах данного диалектного комплекса узбекского языка. Что же касается карабулакского аффикса *-йат/-йэт* (*кылыятма* „я в данный момент делаю“, *кэл'йэтмэ* „я в данный момент иду“), то он является промежуточным между полной исходной формой и аффиксом *-ват/-ват*, образование которого происходило по линии *-келиб йат* > *келъб йэт* > *келвэт* > *келват*, т. е. билабиальное *в* восходит здесь к комплексу *бй* (ср. *кэлъб едъ* > *келувдъ* > *кэлу*: *дъ*).

б) Формант *-йэп* свойственен всем прочим городским говорам Ферганской долины — андижанскому, маргеланскому, кокандскому и др.

К ферганской форме (кроме наманганского говора) примыкает и самаркандская форма с аффиксом *эп*, например: ферганск. *келйэпмэн* > *келйэппэн*//самарк. *келэпман* „я в данный момент иду“.

Следует отметить, что фонема *э* в самаркандском аффиксе *-эп* отличается значительной устойчивостью. Между тем аффиксальный гласный *э* в ташкентском аффиксе *-ват* и *э* в ферганском *-йэп* обладают широким диапазоном по отдельным говорам: гласный *э* в аффиксе *-ват* может стать почти передним (ср. уйчинск. *-ват*), а передний гласный *э* в ферганском *-йэп* значительно колеблется между типами *э* и *э*, особенно в изначальной форме: *келэ йатър* ~ *келэ йэтър* ~

кэлэ йэтэр. То же наблюдаем и в кыпчакских говорах: кэлэ джатыр ~ кэлэ джэтыр ~ кэлэ джатыр//кэлэ йатыр ~ кэлэ йэтыр ~ кэлэ йэтыр.

Устойчивость самаркандской фонемы *э* в аффиксе *-эн* объяснима наличием таджикского языкового элемента, который преобладал и продолжает быть доминирующим в составе говора. Иной оказывается мотивировка *э < а > э* в прочих говорах узбекского языка.

Перечень особенностей городских говоров узбекского языка можно было бы продолжить и дать дифференцированную характеристику диалектных особенностей каждого говора в отдельности, так как каждый из них, несмотря на наличие генетически общих черт, имеет и свои узкодиалектные показатели, изучение которых позволяет проследить историю образования и развития того или иного говора. Но такое изложение далеко увело бы нас от цели, которая пока состоит в том, чтобы на конкретном материале показать общность происхождения говоров, составляющих карлуко-чигиле-уйгурское наречие узбекского языка, и доказать, что ведущее звено представлено сейчас ташкентско-ферганской подгруппой городских говоров, выступающих в качестве нормализованного средства языкового общения узбекского народа.

Хотят этого или нет сторонники местничества в решении вопроса об опорном диалекте узбекского литературного языка, но мы утверждаем, что ташкентский говор является одним из самых важных с точки зрения современной и будущей истории развития узбекского литературного языка. Он уже сейчас превратился в центр языкового объединения узбеков, который нормирует и направляет развитие узбекского литературного языка, нивелирует диалектные его особенности в области произношения. С этим не хотят считаться отдельные орфографисты, упрямо насаждающие узкодиалектные формы в орфографических словарях, особенно в правописании *о* и *а*.

Не случайно, что орфографический словарь, составленный в этом году, оказался недоброкачественным в виду наличия в нем огромного количества неточностей. Орфоэпия литературного узбекского языка может быть правильно решена только с учетом произносительных особенностей одного говора. Таким говором является ташкентский, как говор культурно-экономического центра республики.

Рассматривая фонетические и лексико-грамматические особенности литературного узбекского языка, нетрудно убедиться в том, что в основе его лежит несингармонистический диалект, представленный в частности ташкентским и ферганским городскими говорами. Это вполне оправдано и исторически, о чем было уже сказано с точки зрения современного развития узбекского литературного языка. Внешняя звуковая сторона этой диалектной основы в общих чертах соответствует произносительным особенностям ташкентского говора, тогда как морфологические черты являются ферганскими, за исключением весьма незначительного количества морфологических форм, проникших из кыпчакских и огузских говоров.

Приведем несколько примеров отражения ташкентского типа оканья в отдельных словах и морфологических показателях литературного узбекского языка.

1. В словах:

ташк. *энэр*//лит. -орф. *анор*//анд. *энэр* „гранат“ (растение);

ташк. *х'эвлэ*//лит. -орф. *х'овли*//анд., самарк. *х'авль* „двор“;

ташк. *бэзэр*//лит. -орф. *бозор* /анд. *бэзэр*//самарк. *базэр* „рынок“;

ташк. *сэкэл*//лит. -орф. *соқол*//анд. *сэкөл*//самарк. *саккэл* „борода“;
ташк. *бэлэ*//лит. -орф. *бола*//анд., кок; *бэлэ*//самарк. *балэ* „ребенок“;
ташк. *шамэл*~*шэмэл*//лит. -орф. *шамол*//наманг., анд. *шэмэл*//

самарк. *шамэл* „ветер“;

ташк. *сарэй*//лит. -орф. *сарой*//анд. *сэрэй* „сарай“;

ташк. *ортэк* ~ *ортэг*//лит. -орф. *урток*//анд., марг. *ортак*//
самарк. *ортэк* „товарищ“;

2. В морфологических показателях:

ташк. *бэрмэк*, *кълмэк*//лит. -орф; *бормок*, *қилмок*//анд., марг.
бэрмак, *қълмак*//самарк. *бармак*, *къмэк* „идти“, „делать“;

ташк. *эзрэк*, *йэхшэрэк*//лит. -орф. *озрок*, *яхширок*//анд., марг.
эзрак, *йэхшэрак*//самарк. *эзрэк*, *йэхшэрэк* „меньше“ ~ „лучше“.

Спрягаемые формы литературного узбекского языка базируются в основном на диалектных особенностях ферганских городских говоров, например:

анд., марг., кок. *бэрийэмэн* > *бэрийэппэн*//лит. -орф. *боряпман*//
ташк. *бэрвэтмэн* > *бэрвэммэн*//наманг. *бэруттёмэн*//самарк. *бэрэпман* „я в данный момент иду“;

анд., марг., кок. *бэрдэк*//лит. -орф. *бордик*//ташк. *бэрдэмъз*, *бэрдузэ*, *бэрду* „мы ходили“;

анд., марг., кок. *бэрэмъз*//лит. -орф. *борамиз*//ташк. *бэрэмъз* ~ *бэрэуз* ~ *бэрэузэ* „мы пойдем“;

анд., марг., кок. *бэрмаймъз*//лит. -орф. *бормаймиз*//ташк. *бэрмъймъз* „мы не пойдем“;

анд., марг., кок. *бэрсэк*//лит. -орф. *борсак*//ташк. *бэрсэмъз* ~ *бэрсэвуз* ~ *бэрсэуз* ~ *бэрсэвузэ* ~ *бэрсэузэ* „если мы пойдем“.

Уместно подчеркнуть, что в этимологическом отношении ташкентская форма *-дъмъз* является более древней, чем форма на *-дэк* современного литературного узбекского языка. Мы встречаем ее в памятнике в честь Кюль-Тегина: *сöзләшдiмiз* „мы говорили“, *биртiмiз* „мы дали“, *итдiмiз* „мы делали“, *контуртымыз* „мы поселили“, в „Диване“ Махмуда Кашгарского, у Ибн-Муханны, в „Шейбани-намэ“ Мухаммад Салиха. Истоки этой формы следует, несомненно, искать в карахандийской диалектной общности.

Некоторые морфологические формы современного литературного языка декретированы из двух других наречий — кыпчакского и огузского. Так, например, из кыпчакского наречия заимствована форма настоящего времени типа *келдйэтэр*//лит. -орф. *келаетир*; строгая дифференциация аффиксов *-нзг* и *-нз* (притяжательного и винительного падежей), отсутствующая в говорах городского типа, проведена не без учета особенностей говоров этого наречия. Усвоение дифференцированного употребления *-нзг* и *-нз* представителями городских говоров сопряжена с большими трудностями. Парадоксально, но это факт, что многие лингвисты сами нередко путают *-нзг* и *-нз* в обыденной речи.

Из огузского наречия декретирована форма будущего времени с аффиксом *бжак/келджак* лит. -орф. *келажак* „он придет“, которая, однако, не находит широкого распространения в литературном языке.

Приведенных примеров достаточно для суждения об опорных говорах узбекского литературного языка. Между тем, вокруг этого вопроса (особенно при обсуждении правил орфографии) нередко ведутся бесплодные дебаты, в которых наука совершенно не нуждается.

Объясняются все эти споры, как уже было сказано, пренебрежительным отношением к источникам, питающим литературный узбекский язык, к данным, добытым диалектологами, особенно по опорным говорам ташкентско-ферганского типа. Тенденции к местничеству должны быть изгнаны. Только при этом условии можно научно подойти к решению спорных вопросов орфографии и терминологии, ликвидировать орфографо-терминологический разнобой и направить по правильному руслу развитие узбекского литературного языка на городской диалектной основе ташкентско-ферганского типа.